ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 343.9

Некоторые вопросы определения типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, сопряженных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающих на общественную безопасность Российской Федерации

Артур Михайлович Савенков[1,2]
[1]Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, a.m.savenkov@list.ru
[2]Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В период с 2020 по 2022 г. в Российской Федерации начал формироваться институт противодействия преступлениям, сопряженным с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающим на общественную безопасность, что четко прослеживается в механизмах криминализации ст. 207.1–207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на устойчивую практику их применения, в настоящее время в криминалистической доктрине отсутствует методика расследования таких посягательств, что определяет множество проблем следственной деятельности.

Залогом построения качественной криминалистической методики расследования указанных форм делинквентного поведения является исследование типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования. В статье приводится попытка авторского изучения рассматриваемых элементов, научно обоснована необходимость типологизации таких ситуаций по признаку информационной обеспеченности следственной деятельности.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, криминалистическая методика, первоначальный этап расследования, заведомо ложная информация, сведения, фейки, публичное распространение информации, общественная безопасность

Для цитирования: Савенков А.М. Некоторые вопросы определения типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, сопряженных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающих на общественную безопасность Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 132–137.

© Савенков А.М., 2026

Certain issues of defining typical investigative situations at the initial stage of investigation of crimes involving the public dissemination of knowingly false information that infringe on the public safety of the Russian Federation

Artur M. Savenkov[1,2]
[1]SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, a.m.savenkov@list.ru
[2]Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Between 2020 and 2022, the Russian Federation began to develop an institution to combat crimes involving the public dissemination of knowingly false information that threatens public safety, as clearly evident in the criminalization mechanisms of Articles 207.1–207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite their consistent application, forensic doctrine currently lacks a forensic methodology for investigating such offenses, which creates numerous challenges for investigative activities.

The key to developing a high-quality forensic methodology for investigating these forms of delinquent behavior is the study of typical investigative situations at the initial stage of an investigation. This research article presents an attempt to examine these elements and provides a scientific justification for the need to classify such situations based on the level of information support for investigative activities.

Keywords: typical investigative situations, forensic methods, initial stage of investigation, knowingly false information, data, fakes, public dissemination of information, public safety

For citation: Savenkov A.M. Certain issues of defining typical investigative situations at the initial stage of investigation of crimes involving the public dissemination of knowingly false information that infringe on the public safety of the Russian Federation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 132–137.

Одним из первых на значимость следственной ситуации в разрезе построения качественной криминалистической методики расследования преступлений обратил внимание Р.С. Белкин, отнеся указанное понятие в разряд тактических и методико-криминалистических [1].

Говоря о развитии направления исследования следственных ситуаций, характерных для преступлений, сопряженных с публичным распространением информации, следует отметить, что в криминалистической доктрине существует два самостоятельных подхода в их определении. Первый из них в качестве методологической базы закладывает признак способа распространения заведомо ложных сведений. Так, С.А. Бочаров, ссылаясь на изучение практики применения ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (УК РФ) выделяет два направления типичных следственных ситуаций: во-первых, размещение заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях; во-вторых, распространение сведений посредством непосредственной коммуникации [2].

Данный подход представляется чрезмерно поверхностным, так как в приведенной классификации способов совершения рассматриваемых деяний каждое из направлений имеет существенную ситуационную вариативность.

Второй подход в определении следственных ситуаций по делам о публичном распространении заведомо ложной информации связан с установлением отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности: установления события преступления, его способа, а также субъективных признаков цели и мотива.

Так, Г.Г. Небратенко и В.М. Харзинова выделяют три самостоятельные следственные ситуации первоначального этапа расследования рассматриваемых

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

посягательств, при их совершении посредством сетей телекоммуникации и средств массовой информации:

1. Установлены личность злоумышленника, его цель, мотив, способ совершения деяния, а также подтвержден сам факт события преступления.

2. Личность преступника, его мотивация и цель являются неизвестными, в то же время имеет место событие преступления.

3. Установлен факт публикации, известна цель и мотив преступника, однако его личность неизвестна [3].

Вместе с тем приведенная система следственных ситуаций представляется дискуссионной ввиду своей теоретической и практической необоснованности, что подтверждается следующими теоретико-прикладными аргументами:

Во-первых, разделение способа и события преступления является методологической ошибкой, прямо противоречащей ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (УПК РФ). Так, исходя из приведенных нормативных положений, событие преступления является родовым понятием, включающим способ, время, место и другие обстоятельства совершенного деяния.

Во-вторых, указание на установление факта совершения преступления не имеет прикладной ценности, так как событие преступления при размещении (публикации) заведомо ложной информации в средствах массовой информации или иных ресурсах, функционирующих на базе информационно-телекоммуникационных сетей, определяется самим фактом распространения информации, не соответствующей официальной позиции.

В-третьих, публичное распространение заведомо ложной информации имеет сложную вариативность преступной мотивации и целеполагания, усугубляющихся необходимостью доказывания заведомой ложности распространяемых сведений, которые, как правило, могут быть установлены только в процессе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, проводимых в отношении или с участием публикатора сведений.

В качестве примера следует привести уголовное дело № 12002570015000031, возбужденное 29 апреля 2020 г. следственным отделом по Орджоникидзевскому району г. Пермь следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю по ст. 2071 УК РФ. Исследование материалов дела четко показывает, что первоначальный мотив Е. определялся в качестве хулиганского. В то же время истинные преступные намерения Е. стали известны органам предварительного следствия только после проведения комплекса следственных действий с ее участием на последующем этапе расследования[3].

В-четвертых, в целом допуская следственные ситуации, при которых не установлена личность лица, распространяющего изучаемую информацию, следует отметить, что такие факты являются единичными и, как правило, связаны с личным распространением заведомо ложных сведений, без использования высокотехнологичных средств коммуникации [4]. Так, в качестве иллюстрации следует привести пример уголовного дела из практики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, в рамках которого к уголовной ответственности привлечен С., являющийся сотрудником МЧС России[4].

---

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Материалы уголовного дела № 12002570015000031, возбужденного 29 апр. 2020 г. следственным отделом по Орджоникидзевскому району г. Пермь следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю // Из материалов СУ СК России по Пермскому краю. Материал опубликован не был.

[4] Материалы уголовного дела № 12202350013000038, возбужденного 22 марта 2022 г. следственным отделом по г. Ялта Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополь // Из материалов ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополь. Материал

При этом следует также подчеркнуть и тот факт, что представленный подход учитывает только внешние факторы, влияющие на расследование преступления, что представляется ошибочным и несоответствующим авторской интерпретации понимания следственной ситуации.

Ввиду отсутствия в криминалистической доктрине профильных исследований монографического характера, посвященных исследованию типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании рассматриваемых преступлений, считаем целесообразным отметить, что формирование криминалистической методики, в том числе и при анализе типичных следственных ситуаций необходимо исходить из особенностей характеристики и индивидуальности каждого преступления [5].

В связи с этим на основе исследования 300 уголовных дел, возбужденных следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в период с 2020 по 2025 г., целесообразно предложить авторскую типологию типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования по рассматриваемой категории уголовных дел, в основу построения которой заложить критерий обеспеченности следователя криминалистически-значимой информацией.

Предлагаем выделять:

1. Информационно-обеспеченные следственные ситуации. Данный тип следственных ситуаций подразделяется на два самостоятельных подтипа. Первый из которых характеризуется тем, что до момента возбуждения уголовного дела осуществляется полноценная оперативная разработка преступной деятельности. Поводом для возбуждения уголовного дела выступает рапорт сотрудника оперативных подразделений об обнаружении признаков преступления. После возбуждения уголовного дела материалы оперативно-розыскной деятельности передаются следователю в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Второй подтип отличается наличием полных и достоверных сведений о факте публичного распространения заведомо ложной информации, посягающей на общественную безопасность, о способе совершения преступления, а также наличием аудио- и видеоматериалов, фиксирующих момент распространения информации. При этом лицо, осуществившее публикацию (публикатор), является точно установленным уже на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку оно выступает публичной фигурой либо известно очевидцам произошедшего. Необходимым условием для отнесения ситуации к данному типу выступает возможность привлечения виновного к уголовной ответственности, а именно нахождение лица в пределах юрисдикции Российской Федерации.

2. Условно информационно-обеспеченные следственные ситуации. Указанный тип охватывает обстоятельства, при которых факт совершения общественно опасного деяния установлен, однако имеются определенные информационные пробелы. Выделяются два варианта развития ситуации. В первом случае личность субъекта преступления не известна, но имеются технические данные о топологии соединений, установлена подлинная учетная запись публикатора, а также существуют сведения, позволяющие в перспективе установить персональные данные лица. Во втором случае личность субъекта преступления установлена, однако отсутствуют достоверные доказательства его причастности к расследуемому событию, либо лицо скрылось от органов предварительного расследования. Поводами для возбуждения уголовного дела в рассматриваемых ситуациях выступают: рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный по результатам мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей; иная оперативная информация; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

опубликован не был; Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 1 июня 2022 г. по делу № 1-267/2022 // Архив Ялтинского городского суда Республики Крым.

3. Информационно не обеспеченные следственные ситуации. Данный тип характеризуется установлением лишь самого факта распространения сведений при полном отсутствии иной криминалистически значимой информации. Такое положение может быть обусловлено использованием лицом, распространившим информацию, специальных программных либо аппаратно-программных средств анонимизации, активностью Telegram-ботов, а также функционированием закрытой (непубличной) среды, в которой осуществлялось распространение сведений.

Указанная типология может иметь значительную научную новизну и быть использована в качестве методологического фундамента дальнейшего построения качественной криминалистической методики расследования рассматриваемых посягательств.

Список источников

1. Исаев Р.А. Следственные ситуации как элементы информационной системы расследования преступлений // Юридические науки и образование. 2016. № 48. С. 84–97.

2. Бочаров С.А. Типичные следственные ситуации распространения ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации и их дискредитации // Научный аспект. 2024. Т. 18. № 6. С. 2183–2192.

3. Небратенко Г.Г., Харзинова В.М. Следственные ситуации и особенности тактики проведения первоначальных следственных действий при расследовании преступлений в сфере умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2(105). С. 154–159.

4. Особенности расследования преступлений, предусмотренных статьями 207.1–207.3 УК РФ: практ. пособие / под общ. ред. А.В. Петрянина, М.Е. Гущева. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. 130 с.

5. Жбанков В.А., Карпеченков М.Ю. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В.А. Жбанкова. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012. 512 с.

References

1. Isaev R.A. Sledstvennye situacii kak elementy informacionnoj sistemy rassledovaniya prestuplenij // Yuridicheskie nauki i obrazovanie. 2016. № 48. S. 84–97.

2. Bocharov S.A. Tipichnye sledstvennye situacii rasprostraneniya lozhnoj informacii ob ispol'zovanii vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii i ih diskreditacii // Nauchnyj aspekt. 2024. T. 18. № 6. S. 2183–2192.

3. Nebratenko G.G., Harzinova V.M. Sledstvennye situacii i osobennosti taktiki provedeniya pervonachal'nyh sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij v sfere umyshlennogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii v SMI i informacionno-telekommunikacionnyh setyah // Yurist"-Pravoved". 2023. № 2(105). S. 154–159.

4. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 207.1–207.3 UK RF: prakt. posobie / pod obshch. red. A.V. Petryanina, M.E. Gushcheva. SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2024. 130 s.

5. Zhbankov V.A., Karpechenkov M.Yu. Kriminalistika: ucheb. / pod obshch. red. zasl. yurista RF, d-ra yurid. nauk, prof. V.A. Zhbankova. M.: Izd-vo Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2012. 512 s.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 12.08.2026.
The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 11.08.2026; accepted for publication 12.08.2026.

Информация об авторе
А.М. Савенков – заместитель руководителя отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской обл. (Россия, 603074, г. Нижний Новгород, ул. Маршала Воронова, 22а); аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Россия, 190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author
A.M. Savenkov – Deputy Head of the Forensic Science Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region (Russia, 603074, Nizhny Novgorod, Marshal Voronov Street, 22a); Postgraduate Student of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).